
Юханна Му
ТЕНЬ ЛОДУРА
Гибнущее дерево

Тень Лодура

Юханна Му

Тень Лодура. Гибнущее дерево

«Белая ворона/Albus corvus»

2023

Му Ю.

Тень Лодура. Гибнущее дерево / Ю. Му — «Белая ворона/Albus corvus», 2023 — (Тень Лодура)

ISBN 978-5-00114-571-4

Роковая случайность перевернула мир десятилетней Нанны. Но это горе – только начало новых испытаний, ведь над всем миром нависла страшная угроза. Если погибнет Иггдрасиль, мировое дерево, то не выживет никто. Спасти его может только тот, кого выбрала судьба: существо с древней кровью в жилах. Недаром мама покупала Нанне книги о богах и чудовищах Эдды и подарила невзрачную на вид деревянную подвеску. Девочке предстоит опасный путь через земли, куда больше не приходит лето, потому что Рагнарёк уже случился.

ISBN 978-5-00114-571-4

© Му Ю., 2023
© Белая ворона/Albus corvus, 2023

Содержание

1. Чертова мама, чертов папа 6
2. Сейчас я умру 8
3. Земля исчезает 11
4. Иной мир 14
5. Зови меня Йорунн 16
6. Только так ты сможешь вернуться домой 18
7. Спутник 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Юханна Му
Тень Лодура. Гибнущее дерево

Johanna Mo
Lodurs skugga:
Det döende trädet

© Johanna Mo 2023 by Agreement with Grand Agency
© Елена Тепляшина, перевод на русский язык, 2024
© Мария Борт, оформление обложки, 2025
© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2025

1. Чертова мама, чертов папа

Чертова мама, подумала Нанна, уставившись на буквы, которые разбегались по всей книге. Уже через секунду сама на себя разозлилась. Мама не виновата, что этот идиот сбил ее. Но если бы мама не решила, что ей хочется сухариков к чаю… Если бы она не пошла в магазин именно в тот день…

Нанна старалась не видеть эту картину – как машина сбивает маму. Как мамино тело летит по воздуху и падает на асфальт. Нанна перевела взгляд на закрытую дверь папиной комнаты. Нет. Какой смысл? Папа не хочет, чтобы его тревожили. Тогда Нанна стала смотреть на черный экран телевизора. Телевизор и тот разговорчивее папы. Но пульт лежал на тумбочке, а у Нанны не было сил подняться, чтобы взять его. Она невольно посмотрела в сторону прихожей – туда, где видела маму в последний раз.

Нанна закрыла глаза и стала вспоминать. Длинное зеленое платье в желтый горошек. Отводя каштановые волосы назад, мама влезает в сандалии. Улыбается и говорит, что скоро вернется. А потом открывает дверь и исчезает. С тех пор прошел двадцать один день, и с каждым днем тоска по маме становилась все острее.

Эта книга тебе наверняка понравится.

Мамин голос. Нанна открыла глаза и положила руку на страницу с рассказом о громовержце Торе. У нее куча книг по скандинавской мифологии – мама дарила ей такие книжки на каждый день рождения, на каждое Рождество. Они, конечно, очень интересные, но Нанне больше всего нравилось, когда мама читала ей вслух. Нанна снова попыталась читать, чтобы забыть о страшном, но слова продолжали разваливаться на буквы.

Дверь папиной комнаты открылась, и, шаркая, вышел папа в уродливом сером халате. На рукаве пятно от кофе, но отстирать его он, конечно, не в силах. И помыться тоже. От папы пахнет, как от нестираного мешка со спортивной формой, а лицо заросло колючей щетиной. Ну и вид у него.

– Ты позавтракала? – спросил папа и шумно поскреб щетину.

– Хлопья кончились, – ответила Нанна. – Молоко тоже.

Папа посмотрел на нее невидящими глазами. После маминой смерти он в основном сидел у себя в комнате и плакал. Комната Нанны была через стенку, и Нанна слышала, как он всхлипывает. Бабушка пожила с ними две недели, чтобы они не умерли с голоду, но несколько дней назад уехала к себе. Дедушка стал очень забывчивым, ему без бабушки трудно.

– А хлеб? – спросил папа.

– Хлеба нет. И масла тоже.

Нижняя губа у папы задрожала. Через час за Нанной заедут ее лучшая подружка Лилли и ее мама. И они отправятся в Экеторп[1], на городище в нескольких километрах от их с папой Грёнхёгена. Каждое лето Нанна бывала в Экеторпе раза два, не меньше.

– Никуда не хочу, – сказала Нанна.

Она захлопнула и отшвырнула книгу. Книга ударилась о подушку и упала на пол перед диваном. Закладка выпала – ну и ладно, какая разница. Эта дурацкая книга маму не вернет.

– Ну что ты, – сказал папа. – Поезжай, развлекись немного, тебе полезно. Ты же этим летом еще ни разу не была в Экеторпе.

Развлечься? Маму похоронили всего десять дней назад, и Нанне меньше всего хотелось «развлекаться». Без папы уж точно. К тому же Экеторп был их с мамой местом. Нанна уста-

[1] Экеторп – круговая крепость, существовавшая примерно с IV по XIII в. В наше время – музей под открытым небом. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

вилась на обложку книги, лежавшей на полу: Один[2] с вороном на плече стоит перед черным сучковатым деревом. Копье Одина блестело от солнца, лившегося в окно.

– Может, съездишь с нами? Пожалуйста! – жалобно попросила Нанна.

– У меня нет сил, – ответил папа.

У него снова задрожали губы. Словно Нанна сказала что-нибудь обидное. Ей захотелось крикнуть: «А как же я? У меня тоже нет сил».

Папа потоптался на месте. Больше всего ему хотелось сбежать к себе в комнату. Он вздохнул и сел на диван рядом с Нанной. Неуклюже погладил ее по спине. Нанне хотелось только одного: чтобы папа крепко обнял ее. Пообещал, что снова станет прежним. Нанна понимала, что мама уже никогда не вернется, но папу хотелось получить назад. Такого, чтобы улыбался и отпускал дурацкие шуточки, от которых и мама, и Нанна закатывали глаза.

– Давай вечером посмотрим кино. Когда ты приедешь домой, – предложил папа. – Найдем какой-нибудь хороший фильм, пожарим попкорн.

От мысли, что можно свернуться клубочком на диване рядом с папой, Нанне захотелось плакать.

– А давай посмотрим кино прямо сейчас? – предложила она.

Папа покачал головой. Он даже не попытался объяснить, почему не хочет, чтобы она осталась дома. Почему хочет оплакивать маму в одиночестве.

Не говоря ни слова, папа встал и потащился на кухню. Звуки были такими знакомыми, что Нанна не глядя поняла, что он делает. Папа открыл холодильник и морозилку, пошарил в шкафчике. Через минуту он сунул голову в дверь.

– А как насчет хлебцев без масла?

Он растянул губы в улыбке, но глаза оставались печальными.

– Что-то не хочется, – сказала Нанна. – Может, сходим в магазин?

Папа не ответил. С тем же успехом Нанна могла предложить ему встать посреди шоссе и подождать, пока их собьет машина. В последний раз они были в универмаге еще до маминой смерти.

– Да ладно. – Нанна вскочила с дивана. – Я сама схожу.

Она бросилась было к входной двери, но опомнилась и замедлила шаг. Вот бы папа догнал ее, сказал бы, что они пойдут вместе. Или хотя бы запретил ей выходить из дома. Но папа не сделал ни того ни другого.

В груди у Нанны закипела злость. Чертов папа. Нанна рванула к себе тканевую сумку, висевшую на крючке у двери. Сунула ноги в сандалии и вышла, постаравшись погромче хлопнуть дверью.

[2] Один – верховный бог в скандинавской мифологии, бог войны, победы и поэзии.

2. Сейчас я умру

Солнце светило прямо в глаза, и Нанна остановилась на крыльце. С тех пор как закончились занятия в школе, дни стояли солнечные и жаркие, но Нанна почти не выходила из дома. До того как случилось ужасное, ей выпал всего один день обычных летних каникул – когда они с Лилли купались на меловом карьере, а потом ели мороженое.

Нанна спустилась с крыльца, открыла калитку и вышла. Солнце обжигало кожу. На острове Эланд такой жары еще не бывало. Нанна свернула налево, потом направо и пошла по дороге вдоль залива. Здесь почти никто не купался, потому что берег был каменистым. Жаркий ветер не приносил прохлады.

На Нанну воззрилась чайка, стоявшая в пожухлой траве. Нанна терпеть не могла чаек. Мама называла их летающими крысами.

В Нанне снова вскипел гнев, и она бросилась на чайку, крича и размахивая руками. Птица беззвучно снялась с места и улетела.

Нанна смотрела ей вслед. Силы кончились. Не только от жары, но и от раздиравших душу противоречивых чувств. Всхлипнув, она пошла дальше, но на перекрестке остановилась. В какую сторону повернуть? Тело решило за нее. Ноги сами зашагали по дороге, ведущей направо. Нанна не смогла бы пройти мимо того места, где все произошло. Где мама шла по обочине, и ее сбил какой-то пьяный. Врач в больнице сказал, что мама очень сильно ударилась головой и умерла мгновенно. Люди, говорила бабушка, приносят к месту, где она погибла, много цветов, свечей и записок с теплыми словами.

На крепостной стене напротив киоска с мороженым пока никого не было. В крепость пускали только с двенадцати. Нанна зашла в универмаг, взяла корзину. Банковская карта была у нее в телефоне. Хоть бы денег хватило.

В магазине оказалось прохладно. При появлении Нанны разговоры о жаре смолкли. Она чувствовала, как смотрят ей вслед, слышала, как шепотом произносят мамино имя: Ирса. Вот ужас-то. *Бедный ребенок*.

Нанна быстро побросала в корзину все, за чем пришла: хлопья, молоко, хлеб для тостов и «Нутеллу». Для папы взяла салями.

Кассирша посмотрела на нее, но ничего не сказала. Тяжело сглотнув, Нанна ввела пин-код. Если деньги кончились, она не выдержит. Увидев на экране телефона галочку, она сунула покупки в сумку и заторопилась на улицу.

На стене уже сидели ребята из ее класса. С последнего школьного дня Нанна ни с кем из них не виделась. С того дня, когда они окончили четвертый класс и все еще было как всегда. Когда все они теснились на деревянных скамьях церкви в Сёдра-Мёклебю и пели «Цветенья час приходит».

Сердце заколотилось… Она огляделась, но свернуть было некуда, и она медленно пошла вперед.

Первым ее заметил Сигге, который чуть не год дразнил ее Карлицей за маленький рост. Но в третьем классе, когда к ним пришла Лилли, однокашники стали относиться к Нанне гораздо лучше, потому что с ней подружилась новенькая. Лилли, чья семья переехала на Эланд из Австралии, весь класс считал страшно крутой.

– Привет, – сказал Сигге, а за ним сказали «привет» и все остальные.

Странно. Обычно компания Нанну в упор не видела, если рядом не было Лилли.

– Привет, – ответила Нанна и покрепче вцепилась в ручки сумки.

Ладони вспотели и стали скользкими. Что делать? Остановиться и сказать что-нибудь еще? Нет, ребята уже отвернулись. Они, кажется, не могли решить, чем заняться: пойти

купаться или поиграть в видеоигру. Всю дорогу до дома Нанна почти бежала. Распахнув входную дверь, она крикнула:

– Я пришла!

Отец, сидевший на кухне, поднялся с табуретки и торопливо вышел в коридор.

– Ну как? – спросил он.

Нанна увидела, что потные волосы облепили папины виски, и поняла, как он боялся, что с ней тоже что-нибудь случится.

– Нормально, – ответила она.

Они поджарили хлеб и приготовили бутерброды. Папа не стал возражать, когда Нанна густо намазала хлеб «Нутеллой». Он даже разрешил ей есть бутерброды на диване перед телевизором. Папа тоже пытался поесть, но одолел только половину бутерброда. Подхватил кусочек салями, сунул в рот.

В дверь позвонили. Папа вздрогнул и испуганно посмотрел в сторону прихожей. Наверное, это Лилли. Больше всего Нанне хотелось остаться с папой, но она встала и пошла открывать.

– Привет, – сказала Лилли.

Лилли была в джинсах и новой майке, и Нанна пожалела, что надела застиранную футболку. Переодеваться было уже поздно. Она обернулась, чтобы попрощаться с папой, но он уже улизнул к себе. А раньше всегда придумывал дурацкие шутки, над которыми никто, кроме Лилли, не смеялся.

Стоило спуститься по лестнице, как Лилли тут же кинулась обнимать ее. Лилли была выше Нанны на целую голову – голову с длинными светлыми волосами. Вот бы иметь такие же, а не эту темно-русую паклю.

– Скучно не будет, вот увидишь! – сказала Лилли.

У нее это вышло убедительнее, чем у папы. Нанна знала, что подруге и вправду не все равно, что с ней происходит. Лилли каждый день звонила и спрашивала: «Ну как ты?» – а ее родители приезжали на похороны. И все же Нанна почувствовала зависть, увидев за рулем машины маму Лилли. У Лилли есть мама, а у нее нет. Волосы у мамы были такие же светлые, как у дочери, но доставали только до плеч.

– Мы сядем вместе, – объявила Лилли и открыла заднюю дверь.

Мама с улыбкой обернулась к ним:

– Круто, а?

Зачем столько болтать, подумала Нанна. Она кивнула и уставилась на дорогу. Окна папиной комнаты выходили на улицу, и Нанна надеялась, что он помашет ей, но он не помахал. Шторы так и остались задернутыми. Рука потянулась к деревянной подвеске на шее. Эту подвеску Нанна получила от мамы прошлым летом, на десятый день рождения.

«Я ждала, когда смогу вручить тебе вот это», – сказала мама и протянула ей зеленый сверточек. Но, разорвав коробочку и увидев подвеску, Нанна почувствовала разочарование. Перед ней был простой кожаный шнурок с кусочком дерева. Ничего особенного.

«Обещай, что будешь хранить его, – сказала мама. – Он очень ценный. Когда придет время, его надо будет вернуть».

Нанна надевала оберег каждый день, потому что так хотела мама. Она несколько раз просила маму объяснить, что в этой подвеске такого, но мама только говорила: «Еще рано!» Для кого рано? Для мамы или Нанны? А теперь попробуй узнай, кому вернуть эту щепку.

– Я спрыгнула с самого высокого уступа, а Тесс не решилась.

Нанна повернулась к Лилли – та рассказывала, как они с Тесс вчера купались в меловом карьере. Похоже, она теперь водится с Тесс. Хотя раньше считала ее слишком склочной.

Они выехали из Грёнхёгена; миновали мельницу, переделанную в ресторан. В последние недели Нанна ела здесь пиццу столько раз, что та ей уже слегка опротивела. Когда мама была жива, они ели пиццу по пятницам. Одну пятницу – в ресторане, другую – пекли сами, дома.

Нанну замутило. Десять дней назад они ехали на похороны. На полпути она стала кричать бабушке, чтобы та остановила машину: Нанну сильно укачивало. Несколько минут она стояла на обочине и давилась, но ее так и не вырвало. Бабушка вышла к ней, а папа остался в машине.

– Эй! Ты что, не слушаешь?

– Извини, – сказала Нанна и посмотрела на Лилли.

– У Тесс есть хомячок. И у меня скоро будет.

– Может быть, – вмешалась сидевшая впереди мама. – Пока еще ничего не решено.

– Ну мамочка!

Нанну опять замутило, и она стала смотреть вперед.

– Мне надо смотреть на дорогу, а то меня укачает, – объяснила она.

– Бедняга! – посочувствовала Лилли.

Тошнота прошла. Дорога в Экеторп тянулась через Альварет – ровную пустошь, которая занимает весь юг Эланда. Нанне было всего три года, когда мама привезла ее сюда в первый раз. Одно из первых воспоминаний – как она гоняется тут за поросятами. Вид крепости успокаивал. Здесь Нанна воображала, что живет в другое время. Она смотрела на ютубе ролики, снятые реконструкторами. Эти люди не жалеют времени, чтобы сшить старинный костюм, выбрать себе персонажа. А потом встречаются, но не как реальные люди, а как выдуманные. Реконструкция – это игра, хотя все происходит словно на самом деле. Вот было бы здорово поиграть так в Экеторпе. На Рождество Нанна попросила себе швейную машинку.

Далеко впереди показались бурые каменные стены крепости. Скучно не будет, мысленно повторяла Нанна, уговаривая себя. Однако мысль засела в голове, и вдруг стало казаться, что скучно и правда не будет. Что поехать в Экеторп с Лилли – и правда здорово.

Внезапно через дорогу метнулся заяц. Мама Лилли резко затормозила, и Нанна ударилась носом о спинку переднего сиденья. Голова чуть не лопнула, но в следующий миг Нанна так испугалась, что забыла про боль. Машина, вильнув, оказалась прямо перед встречным трактором. На них надвигались огромные черные колеса.

«Сейчас я умру», – поняла Нанна, и эта мысль тоже была как удар.

3. Земля исчезает

«Сейчас я умру». Машина засигналила, разорвав мысль в клочья. Перед глазами Нанны не было ничего, кроме огромных черных колес. Сейчас трактор раздавит их в лепешку.

В последнее мгновение маме Лилли удалось вывернуть руль; машину вынесло на противоположную обочину, где она и остановилась на пути в кювет.

Несколько секунд стояла тишина. Нанна не умерла, но и легче ей не стало. Что чувствовала мама? Может, она видела, как приближается та машина? И испугалась так же, как теперь Нанна?

Мама Лилли повернулась к ним.

– Простите, – сказала она. – Целы?

В ответ Нанна смогла только кивнуть. Зато из Лилли хлынуло множество слов. И о тракторе, и о том, какой фиговый из мамы водитель. Лилли смеялась. Она явно испытывала облегчение.

В окно постучали, и Нанна подскочила. Мама Лилли опустила стекло.

– Прошу прощения, – сказала она старику, стоявшему возле их машины. – Заяц выскочил на дорогу, но мне не следовало тормозить так резко.

У седобородого старика поверх белой футболки была клетчатая рубашка. Он, наверное, плавился от жары. На лбу блестел пот.

– Я только хотел убедиться, что с вами все в порядке, – сказал он. – Помощь нужна?

Лишь со второй попытки маме Лилли удалось задним ходом въехать обратно на асфальт. Старик помахал им и зашагал к своему трактору. Остаток пути мама Лилли вела машину медленно. И все время посматривала на Нанну в зеркало заднего вида. Может, боялась, что та учинит какую-нибудь глупость – например, выскочит из машины на дорогу.

Без пяти десять они въехали на большую гравийную парковку перед крепостью Экеторп. Толкучку мама Лилли не любила и решила приехать к открытию. Она не очень походила на дочь. Была куда менее разговорчивой, но тоже очень хорошей.

На парковке уже начали собираться люди. Семья рядом с ними – мама, папа и двое детей-дошкольников – говорила по-немецки. В последнее время Нанна часто жалела, что у нее нет младшего брата или сестры. Был бы кто-то рядом, выносить папу было бы легче. Есть, конечно, Лилли, но это совсем не то. У Лилли двое младших братьев. Сегодня ее папа поведет их купаться.

Лилли повела Нанну к домику, в котором размещались музейный магазинчик с кассой и кафе. Мама Лилли обещала, что накормит их на обед блинчиками. Как будто они первоклассницы и ничего прекраснее блинчиков вообразить не могут.

Перед закрытой дверью успела выстроиться очередь, но всего через несколько минут дверь отперла девушка – одна половина головы выбрита, но на другой волосы длинные. Супер. Наверное, теперь папа разрешил бы и Нанне так подстричься. Только вот до ближайшей парикмахерской ехать несколько миль, а папа почти не выходит из дома.

Пока мама Лилли стояла в очереди за билетами, они с Лилли прогулялись по магазину. Папа дал Нанне сто крон на покупки. Она погладила серую льняную тунику. Вот бы такую! Но очень уж дорого. Еще ей попался кожаный мешочек – пристегивать к поясу и носить в нем монетки и всякие мелочи. Такой мешочек мама назвала бы чепухой. Она считала, что покупать тут стоит только книги.

– Вы идете? – позвала мама Лилли.

По длинной гравийной дорожке они поднялись к крепости. Здесь, на пустоши, ветер дул как хотел. Нанна достала из кармана резинку и забрала волосы в хвост на макушке, чувствуя, как теплеет внутри и как губы сами собой расходятся в улыбке. Это ее самое любимое место

на всем Эланде. Крепость стоит прямо посреди Альварета, отсюда можно смотреть во все стороны, насколько хватит глаз. На таких просторах Нанна чувствовала себя крохотной, но ей нравилось это чувство.

Когда они поднялись к самым стенам, ветер утих и стало так жарко, будто они вошли в печку.

– Ох, ну и жара. – Мама Лилли измученно улыбнулась. – Ну, чем займетесь?

Обе посмотрели на Нанну. Ответа ждали именно от нее.

– Просто погуляем, – предложила Нанна.

Маме Лилли этот ответ, кажется, не очень понравился, но она кивнула. Она не понимала, что главное – само место, а не то, чем люди тут занимаются.

Нанна взглянула на обступившие их высокие стены. Хорошо, что она согласилась на папины уговоры. Здесь ее окружили фантазии. Такой же солнечный день, только тысячу лет назад. Скоро мама позовет ее шить праздничную рубаху.

Всякий раз, когда они бывали в Экеторпе, мама придумывала увлекательные занятия. В прошлом году они в каждом доме искали ткачиху. Нанна спросила нескольких встреченных пожилых женщин, не любят ли они ткать, но те в ответ только качали головой и смотрели на нее странно. Нанна с мамой смеялись до колик. Потом мама вдруг посерьезнела и сказала: «А Йорунн ты доверяй». «Кто такая Йорунн?» – спросила Нанна, но мама не захотела отвечать.

Фантазии рассыпались. Без мамы все не так.

Справа, за загородкой, паслись овцы, и Нанна и Лилли остановились посмотреть. Иногда овцы смешно шарили губами по сухой земле, пытаясь найти что-нибудь съедобное. Овцу Нанна завела бы гораздо охотнее, чем хомячка, но больше всего ей хотелось лошадь. Лилли снимала их и пропускала через дурацкие фильтры.

– Может, отдадите телефоны мне на хранение? – спросила мама Лилли.

Вроде вопрос, но на самом деле приказ. Лилли вздохнула и протянула маме телефон. Нанна последовала ее примеру.

– Постреляем из лука? – предложила Лилли.

Теперь, когда снимать было нечем, овцы уже не казались ей такими уж интересными. Лилли, в отличие от Нанны, была спортивной. Зато невысокой медлительной Нанне неплохо давались задания, которые требовали точности.

– О, давай! – согласилась Нанна.

Парень в синей рубахе и в шапочке на кудрявых волосах уже, наверное, учился в гимназии. Он показал, как правильно держать лук, как натягивать тетиву и как выпускать стрелу.

Нанна знала, что Лилли уже случалось стрелять, хотя сейчас она делала вид, что не умеет, смеялась и ломалась. Ее стрела и близко не попала в мишень. Нанна представила себе, что она рыцарь, а круглая соломенная мишень – враг. Рядом, подбадривая, стоит мама. Может быть, поэтому Нанна и попала почти в яблочко. Ее охватила радость.

Когда стрелы кончились, Лилли захотелось пострелять еще, но парень кивнул на ребят из немецкой семьи – они стояли в очереди первыми.

– Пусть и другие попробуют.

– Тогда, может, потом? – улыбнулась Лилли и отдала ему лук.

– Ну что, идем печь хлеб? – спросила мама Лилли – она стояла позади и смотрела.

Нанне стало совестно. Она тут веселится, а папа лежит дома, и ему очень грустно.

– Сейчас, – сказала она. – Я только загляну в пару домиков.

Рядом со стрельбищем выстроились несколько каменных домов под дерновыми крышами. Солнце поднималось все выше, и Нанна вспотела. Ей захотелось туда, в темноту и прохладу. Еще ей хотелось, чтобы ее на минутку оставили в покое. А может, и маме хотелось того же? Она часто проскальзывала в эти домики, и когда Нанна заходила за ней, мама стояла, приложив ладонь к стене, и на лице у нее было мечтательное выражение.

– А я пока еще постреляю, – сказала Лилли и встала в конец очереди.

Мама Лилли встревоженно взглянула на Нанну, и та натянуто улыбнулась. Только бы мама Лилли не вздумала пойти за ней. К ближайшему домику направлялась большая компания. Нанна заторопилась в другую сторону, к одной из кладовых. Какой-то папа перенес маленького сына через высокий порог. Мальчику захотелось назад – с овцами гораздо веселее. Нанна пожалела, что не попросила мобильник. Позвонила бы папе. Написала бы ему «привет». Может, он бы чуть-чуть повеселел.

Нанна прошла через деревянную раму – дверной проем кладовой. Притолока была низкой, но невысокой Нанне даже не пришлось наклоняться. Окон – такие называются волоковыми оконцами – здесь не было. Глаза понемногу привыкали к темноте. Вдоль одной стены были сложены дрова, рядом стояли две бочки. Нанна подошла к ним, протянула руку и погладила дерево.

Что-то обожгло грудь, и Нанна чуть не вскрикнула. Только бы не оса! Прошлым летом Нанна случайно наступила на осу; нога так распухла, что Нанна не могла ходить. Пришлось ехать в больницу делать укол. Нанна не решалась посмотреть, что ее обожгло. Но посмотреть все же пришлось.

Это была не оса. Это раскалилась, как уголь, щепка, висевшая у нее на шее.

Нанна осторожно потрогала щепочку. Горячая. Интересно, дерево может загореться само по себе? Нанна уже собиралась было снять подвеску, как вдруг настала кромешная темнота. Нанна быстро обернулась. Наверное, кто-то закрыл дверь.

Нанна уставилась в темноту. Она не могла вспомнить, была ли там вообще дверь, которую можно закрыть. Пытаясь совладать с паникой, Нанна на ощупь двинулась по направлению к дверному проему. Грудь жгло огнем.

Вдруг земляной пол у нее под ногами исчез, и Нанна, кувыркаясь, полетела вниз.

Сдерживать страх больше не получалось. Нанна завопила что было сил.

4. Иной мир

В темноте кто-то громко ругался. Голос был женский. На миг у Нанны в голове все перепуталось, и ей показалось, что это мама. Однажды мама тоже здорово рассердилась на нее. Нанна тогда перебежала дорогу, не посмотрев по сторонам. Хотя на дороге не было ни одной машины.

Наконец Нанна разлепила тяжелые веки. Над ней склонилась незнакомая женщина. Щека перепачкана землей, как будто женщина пропалывала клумбу, а потом потерла лицо. Светлые лохмы свисали на коричневый шерстяной платок. Взглянув на одежду женщины, Нанна вспомнила, где они: в Экеторпе. Наверное, это сотрудница музея.

– Умерла ты, что ли? – крикнула женщина.

Нет, ответила Нанна, – наверное, беззвучно, потому что женщина приставила ладонь к уху. Выговор у нее был таким странным, что Нанна едва разбирала слова. Почему она так сердится? Может, Нанна тут что-нибудь сломала?

Она повернула голову, но разглядеть смогла выстроившиеся в ряд бочки. Почему их стало так много? И куда делись дрова?

– Поднимайся! – разозлилась женщина и дернула Нанну за руку.

Тут вошла еще одна женщина. В тесном сарае трудно было дышать, так густо пропитали воздух самые разные запахи. Что-то было не так, неправильно, но что именно – Нанна понять не могла. Она потеряла сознание? Почему рядом нет ни Лилли, ни ее мамы? Они так о ней беспокоятся, сразу бы прибежали.

Нанна с трудом поднялась на ноги, и женщина потащила ее на улицу.

Холод был резким, как пощечина.

– Нет, – охнула Нанна. – Откуда…

Твердую, как камень, землю покрывал тонкий слой снега. Нанна сморгнула и огляделась. Да, место то же самое – еще недавно его заливало жаркое летнее солнце. Нанна уставилась на снег, а потом на свои голые руки, которые от холода покрылись гусиной кожей. Кто-то толкнул ее локтем. Везде люди, все одеты так, будто работают здесь, но какая грязная и рваная у них одежда! Теперь Нанна заметила, что и домов стало куда больше. Мимо протрусила, пронзительно визжа, тощая грязная свинья. Может, это розыгрыш? Сейчас наверняка появится кто-нибудь с мобильным телефоном и скажет Нанне, что ее снимают. И будет ждать, что она рассмеется. Нанна фыркнула.

– Ты кто? – спросила женщина.

Я, наверное, сплю, подумала Нанна. Но женщина вцепилась ей в руку ногтями, и больно было по-настоящему. Какой-то старик с согнутой спиной откашлялся и сплюнул прямо ей под ноги. А запахи… Было очень холодно, но все равно воняло навозом.

– Ты кто? – повторила женщина.

– Нанна, – прошептала Нанна.

– А дальше?

– Нанна Бергман.

– Какой еще Бергман? – прошипела женщина. – Как зовут твоего отца?

– Карл.

– Что ты здесь делаешь, Нанна, дочь Карла?

Женщина говорила, будто выплевывая слова. Кажется, люди только теперь заметили: что-то происходит. Вокруг Нанны и женщины понемногу начала собираться толпа. Некоторые казались рассерженными не меньше женщины, а другие как будто испугались. Какой-то мальчик зарылся лицом в материнскую юбку, а одна старушка испуганно отвернулась, когда Нанна слу-

чайно встретилась с ней глазами. Нанна посмотрела на свои ноги. Кожу под джинсами жгло. Наверное, на улице ниже нуля.

Может, у них тут ролевая игра? И поэтому все выглядит таким настоящим? Нанне хотелось заорать: ну все, хватит! Можете больше не притворяться. Она поискала лицо, при взгляде на которое все стало бы ясно. Бывают же никудышные актеры. Но не нашла. Какая-то женщина повернулась к стоявшей рядом девочке и что-то проговорила, показав два кривых зуба. Один почти почернел.

А может, тут снимают кино? Тоже непохоже: камер не видно. Женщина дернула ее за джинсы.

– Ну, кто так одевается?

Люди покачали головами: никто не знал. Женский голос в толпе грозился привести стражу. Нанна повернулась к сараю – и не увидела его, столько народу собралось на дороге. Она попыталась вырваться, но женщина была куда сильнее.

– Хватит, – раздался вдруг чей-то голос.

Толпа расступилась, и появилась старуха, с морщинистым лицом и серебристо-седыми волосами, еле видными из-под толстого платка. Она смотрела на неожиданную гостью без страха или ненависти.

– Она здесь, чтобы помочь мне, – проговорила старуха.

– А почему она так одета? – Женщина по-прежнему не собиралась отпускать Нанну. – И почему спала в сарае?

– Она проделала долгий путь, – ответила старуха. – Прибыла ночью, но у нас ведь не поспишь.

В толпе рассмеялись.

– А одежда?

– Эта девочка прибыла из-за моря.

По толпе прокатился тихий гул, и люди отступили. Похоже, заморские гости казались обитателям крепости опасными. Нанна слышала шуточки о жителях материка – о тех, кто живет по ту сторону Эландского моста, – но такой реакции ей видеть еще не приходилось.

– Ну, идем, – сказала старуха и потянула Нанну за руку, освобождая ее от хватки сердитой женщины. – Чего время терять.

Нанна подумала, что женщины сейчас сцепятся из-за нее. Однако сердитая, фыркнув, выпустила Нанну.

Нет! Нанне не хотелось, чтобы ее уводили от сарая. Она попыталась вырваться, но старуха крепко прижала ее к себе.

5. Зови меня Йорунн

Старуха дрожала от холода. От нее резко пахло потом, дымом и еще чем-то незнакомым.

– Сюда, – сказала она и втолкнула свою пленницу в дверной проем.

Едва она выпустила Нанну, как та крутнулась и хотела выскочить назад, на улицу, но старуха не зевала и успела ее поймать.

– Тебе нужно остаться.

– Почему?

– Сейчас расскажу. Обещай, что не сбежишь, если я тебя отпущу.

Нанна кивнула. Улизнуть можно и потом, когда старуха перестанет так за ней следить.

Она огляделась. Здесь тоже было темно, но не так, как в сарае. У очага в середине дома мешала что-то в железном котле дрожащая девочка. Дым уходил в волоковое окно, проделанное под потолком. Плакал младенец, хотя Нанна не сразу обнаружила, откуда доносится плач. На одной из кроватей, стоявших вдоль стен, сидела женщина. Она прижимала к плечу сверток. Поглаживая малыша по спинке, женщина смотрела на Нанну большими усталыми глазами.

– У него живот болит, – сказала старуха. – Не дает нам спать по ночам.

Так вот про кого говорила старуха! Понятно, почему в толпе рассмеялись. Папа недавно вспоминал, что Нанна младенцем так орала по ночам от колик, что им с мамой приходилось спать по очереди. Папа рассказывал так, будто это что-то веселое, но Нанне стало еще тоскливее. Как же хорошо им жилось, когда их было трое.

– Зови меня Йорунн, – сказала старуха.

Йорунн? То самое имя, которое упоминала мама? Или нет? В голове у Нанны все так перепуталось, что она не могла вспомнить.

– Меня зовут Нанна, – сказала она.

– Здравствуй, Нанна. Я помогу тебе избавиться от этой странной одежды.

Нанна возмутилась. Оставаться тут она не собиралась. Ей хотелось назад, в сарай. К Лилли. Стрелять из лука и печь хлеб. Хотелось обратно, в привычный Экеторп. Но Йорунн шикнула на нее и принялась раздевать. Осторожно и медленно, словно понимая, что с Нанной нужно действовать именно так. Нанна не отрываясь смотрела на огонь. От дыма заслезились глаза, и она сердито вытерла слезы. Мысли вертелись в голове и запутывались в клубок. Что за странное место? Она здесь не останется.

Йорунн молча изучала ее одежду. Трусы – вот единственное, что Нанне позволено было оставить. И щепку-подвеску. Йорунн протянула морщинистую руку, коснулась щепки и закрыла глаза. Зрение уже привыкло к тусклому свету, и Нанне показалось, что кожа на лице Йорунн разгладилась. Старуха что-то неразборчиво пробормотала, открыла глаза и улыбнулась:

– Все будет хорошо.

Что будет хорошо? Вопрос запутался в клубке мыслей, и Нанна промолчала.

Йорунн надела на нее длинную льняную сорочку, а сверху – шерстяное платье. Завязала пояс. Осторожно, не прикасаясь к дереву, убрала подвеску под сорочку.

– Никому не показывай.

– Почему?

– Я объясню. Потерпи.

Нанна кивнула, хотя особого желания терпеть не испытывала. Она решила не пытаться сбежать назад в сарай, пока Йорунн не расскажет, почему она должна остаться здесь. В ней уже проснулось любопытство. Мама точно говорила про Йорунн. Неужели про эту самую? Не может быть!

Йорунн подняла с пола обувь Нанны и принялась изучать ее. Черные матерчатые тапочки, по всей вероятности, заслужили ее одобрение. Йорунн протянула их Нанне, и та снова обулась.

– Хочешь есть? – спросила старуха.

Нанна снова кивнула. Времени после завтрака прошло немного, но живот болел так, будто она не ела несколько дней. Она огляделась. Кроме женщины с младенцем и девочки у очага, здесь были только малыши. Нанна насчитала троих. Двое лежали в постелях, пристально глядя на нее блестящими глазами. Еще один мальчик сидел на полу и играл с двумя камнями.

– Кроме них, все работают. – Йорунн словно услышала мысли Нанны.

Она кивнула на лавку у огня, и Нанна села. Девочка налила в деревянную миску густого серого варева и вручила Нанне вместе с деревянной ложкой. Нанна поддела ложкой комок, – похоже на какую-то склизкую кашу, – и с опаской сунула в рот.

– К такой каше ты не привыкла, – сказала Йорунн, – но она дает сытость.

Нанна зачерпнула еще. Каша была не особенно вкусной и гораздо грубее, чем та овсянка, которую варил дома папа и которую Нанна привыкла есть с яблочным пюре, молоком и корицей. Но насчет сытости Йорунн оказалась права. Нанна смогла осилить всего пару ложек. Миску она так и держала на коленях, потому что не знала, куда ее девать. Мальчик поднялся с пола и подошел к ней; он не сводил глаз с миски. Ему было года три-четыре – совсем как младшему брату Лилли. Одна ноздря забита густыми желтыми соплями, щеки пылают.

– Можешь отдать ему, – сказала Йорунн. – С едой сейчас туго. У нас давно уже должно быть лето, но, как видишь, оно так и не наступило.

Нанна протянула миску мальчику, и тот живо принялся за кашу. Девочка-стряпуха взяла миску и принялась обходить других детей. Малышка с темными кудрями от слабости не могла сидеть. Проглотив всего одну ложку, она закашлялась и снова повалилась на солому.

Йорунн села на скамью рядом с Нанной.

– Как поживает Ирса? – спросила она.

Нанна так поразилась, что рот у нее открылся сам собой. Так, с открытым ртом, она и смотрела на Йорунн – и не могла произнести ни слова.

Откуда старуха знает, как звали ее маму?

6. Только так ты сможешь вернуться домой

– Откуда… – начала было Нанна, но осеклась.

Теперь она отчетливо вспомнила, что сказала мама, когда они были в Экеторпе в последний раз. «*А Йорунн ты доверяй*». Когда Нанна спросила, кто это, мама только покачала головой. Нанна тогда не стала гадать – решила, что это просто выдумка, часть игры. А мама, наверное, знала Йорунн. Нанна не понимала, как такое возможно, но теперь решила добиться ответа.

– Откуда…

Но и на этот раз продолжить ей не удалось. В голубых, как лед, глазах Йорунн было столько участия, что внутри у Нанны что-то оборвалось. Слезы полились сами собой, и остановить их не получалось. Это же бессмыслица! Она приехала в Экеторп с Лилли. А теперь сидит в совершенно другом Экеторпе, и эта женщина спрашивает ее о маме. А главное – Нанна никак не могла поверить, что больше никогда не увидит маму. Она просто отказывалась в это верить. Ей хотелось, чтобы мама оказалась рядом с ней. Прямо сейчас.

– Ну что ты, милая.

Йорунн привлекла ее к себе и обняла так крепко, что стало трудно дышать. Она закашлялась, отчего на глазах опять выступили слезы. Мучительно хотелось отмотать время назад. Вернуться туда, где мама жива, а папа смеется. Туда, где они втроем. Нанна уткнулась в Йорунн и перестала сдерживать слезы. Со слезами из нее изливалось все, что накопилось на душе, и от этого было хорошо.

– Ирса умерла. – Нанна шмыгнула носом.

Йорунн ничего не ответила. Слезы потихоньку иссякли. Нанна утерлась жестким рукавом платья, и кожу на лице защипало.

– Как она умерла? – спросила Йорунн.

– Ее сбила…

Нанна задумалась. Йорунн вообще знает, что такое «машина»?

– Несчастный случай, – сказала она наконец. – Ее нечаянно убил один мужчина, который слишком много выпил.

– Как он выглядел?

Нанна высвободилась из объятий Йорунн. Неужели это важно? Йорунн кивком попросила ее рассказывать дальше.

– Не знаю, – ответила Нанна.

Папа ненавидел человека, который сбил маму. Нанна слышала, как папа разговаривал об этом с бабушкой. Дело было вечером, и они думали, что она спит. Папа плакал, ругался и говорил «чтоб он сдох». Он несколько раз повторил, какая дикость, что того человека даже не посадили в тюрьму. «После суда, – сказала бабушка. – Посадят после суда». Но сказала как-то не очень уверенно.

Нанна тоже ненавидела того водителя, хотя трудно ненавидеть человека, которого ты ни разу не видел. Человека без имени, без лица.

– Когда умерла Ирса? – спросила Йорунн.

Ответить Нанна не успела: в дом кто-то вошел. Простучали быстрые шаги, и Нанна замерла, не решаясь оглянуться. А вдруг этот кто-то хочет ее забрать? Ей нельзя уходить от Йорунн. Пока еще нельзя. Пусть сначала Йорунн расскажет про маму. Нанне хотелось понять, откуда они знали друг друга.

Вошедший уселся перед ними на земляном полу, и Нанна разглядела, что это мальчик. Из-под шапки торчали светлые волосы. Нанна не разобрала, сколько ему лет. Может, ее ровесник, а может, постарше. Мальчик с любопытством поглядывал на нее, но у Нанны не было сил взглянуть ему в глаза. Лицо у нее, наверное, покраснело и опухло от слез.

– Ну как там?

Мальчик перевел взгляд на Йорунн и сказал:

– Юлла не унимается. Ищет того, кто видел, как она явилась ночью.

Мальчик покосился на Нанну. Наверное, Юлла – та самая женщина, которая ругалась на нее в сарае.

– А стражник? – спросила Йорунн.

– Трусит за ней, как голодный пес.

– Надо положить этому конец, – сказала Йорунн и поднялась.

Нанне хотелось закричать: «Нет, не уходи!» – но она словно онемела. Стоило Йорунн выйти за порог, как мальчик занял ее место на лавке.

– Здравствуй. Меня зовут Хальвар, – объявил он.

Нанна с трудом произнесла собственное имя. Может, не терять времени и улизнуть в сарай, чтобы попробовать вернуться домой? Нет. Сначала надо поговорить с Йорунн о маме.

Хальвар пристально смотрел на нее. Нанна не знала, что сказать. О чем с ним говорить? О том, как тошно проводить летние каникулы, глядя на папу, который целыми днями бродит по дому, как привидение?

Девочка подала Хальвару миску, и тот живо расправился с кашей, после чего вытер рот рукавом и вернул миску девочке.

– Сколько тебе лет? – спросила Нанна.

Хальвар, кажется, удивился.

– Йорунн говорит – это моя двенадцатая зима.

Значит, на год старше Нанны. Нанна отчаянно соображала, о чем бы еще спросить, но не могла придумать ни одного вопроса. Мальчик смотрел на нее, будто чего-то ждал. Но чего? Нанна уже готова была подняться. Броситься к двери. Ну не может ничего этого быть. И все-таки оно было. Ни один сон, ни одна фантазия еще не казались ей такими реальными.

– А какой сейчас…

Нанна удержалась от вопроса «А какой сейчас год?». Как-то странно такое спрашивать. К тому же она ничего не знает об этих местах. Тут вообще ведут счет времени?

– Что «какой сейчас»? – спросил Хальвар.

– А, ничего.

Нанна обвела дом взглядом. Она искала тот Экеторп, который показывала ей мама. Искала истории, которые мама рассказывала. Однажды она рассказала про железный котелок над огнем. О детях, которые съежились в своих постелях. А что, если это была не сказка, а воспоминание?

Ну почему мама ничего не объяснила?

Один из малышей уставился на Нанну, и она чуть не прикрикнула на него. Боль и обида на маму искали выхода. Остальным в этом доме, похоже, нет до нее дела. Они немножко как папа. Как привидения. Девочка, которая с трудом съела ложку каши, кажется, уснула.

Йорунн вернулась, и Хальвар переместился на пол.

– Я нашла свидетеля, который подтвердит, что она прибыла ночью. Он видел это собственными глазами, – сказала Йорунн и села на лавку.

– За сколько? – спросил Хальвар.

– За ковш ячменя.

Нанна сообразила, что Йорунн подкупила человека, чтобы он солгал в ее пользу. Но почему? Что будет, если они расскажут правду? О том, что Нанна просто хотела побыть одна в этом сарае – и вдруг провалилась сюда. Если она правильно помнит, жители покинули Экеторп к концу VII века. Нет, ратные люди жили здесь и в Средние века, в начале двенадцатого века. Она что, переместилась во времени? Нанна слышала, что такие путешествия невозможны, но просто не могла придумать другого объяснения. Неразбериха в голове сводила с ума.

– Откуда ты знаешь, кто моя мама? – спросила она.

– Я с ней виделась, – ответила Йорунн.

Хальвар заерзал, словно ему трудно было сидеть смирно.

– Когда?

– Когда она была чуть старше тебя. Она спасла вот эту щепку, частицу Дерева.

Йорунн кивнула на горловину платья, под которой скрывалась подвеска, и Нанна потянулась достать ее. Наверное, Йорунн и есть тот человек, которому надо вернуть деревяшку. Но Йорунн остановила Нанну.

– Тебе нельзя к ней прикасаться.

Все это не укладывалось в голове. Почему мама не рассказала все как есть? Она же вечно твердила, как важно быть честным. Говорила, что секреты еще никому не пошли на пользу.

– Как поживает твой мир? – спросила Йорунн, словно отлично знала, откуда явилась Нанна.

Путешествия во времени невозможны. И разных миров тоже не бывает. И все-таки Нанна сидит здесь. Наконец она выговорила:

– Мой мир?

– Какая, например, у вас погода?

– Очень жарко.

Йорунн кивнула. Она явно встревожилась, словно Нанна только что сообщила ей плохие новости. Дома многим нравилась жара. Сама Нанна почти не выходила на улицу, но они с папой смотрели новости. По телевизору говорили о глобальном потеплении. О том, что жара – результат выбросов в атмосферу. В новостях показывали кадры с демонстрации в Стокгольме. Одна женщина держала плакат с надписью: «Гибель уже рядом».

– Когда отправляемся? – нетерпеливо спросил Хальвар.

– Через три дня, на рассвете, – ответила Йорунн.

Оба повернулись к Нанне и требовательно посмотрели на нее. Она со страхом поняла, чего они хотят.

– Нет, я никуда не поеду, – сказала она. – Мне нужно домой.

Йорунн погладила ее прохладной рукой по щеке.

– Знаю, у тебя голова идет кругом. Мне бы очень хотелось, чтобы нашелся другой способ, но его нет. Нам нужна твоя помощь. Этот мир движется к гибели, а если он погибнет, то утащит за собой и твой мир.

Нанна ничего не поняла. Как это – погибнет? Неужели та женщина с плакатом права? Неужели надежды нет?

– Хочу домой, – всхлипнула она.

– Понимаю, – сказала Йорунн. – Но равновесие должно быть восстановлено. Спаси дерево. Только так ты сможешь вернуться домой. Если дерево погибнет, погибнут и миры. Наш мир замерзнет и превратится в лед, а твой сгорит дотла.

7. Спутник

Спаси дерево. Только так ты сможешь вернуться домой. Если дерево погибнет, погибнут и миры.

Слова Йорунн гудели в ушах. До слез хотелось к маме. Рука потянулась к оберегу, но Нанна удержалась. Именно мама утешала ее, когда дела шли неважно. Когда в школе никто не хотел разговаривать с Нанной или когда ее дразнили Карлицей. Мама всегда говорила, что все плохое пройдет. Что все наладится. Она оказалась права. В Грёнхёген приехала Лилли, и все стало гораздо лучше.

Кстати, что сейчас делает Лилли? Она вообще заметила, что Нанна исчезла, или слишком увлеклась стрельбой из лука?

По платью пополз черный жук, и Нанна торопливо стряхнула его.

– Что это за дерево? Которое нужно спасти? – спросила она.

– Нам нельзя произносить его имени вслух.

Йорунн окинула избу взглядом, словно проверяя, что никто не подслушивает. Все взгляды были обращены к ним, но Йорунн, кажется, опасалась не тех, кто рядом. Женщина, прижимая младенца к себе, поглаживала его по спинке и тихонько пела. Малыш захныкал.

– Дерево всего сущего, – проговорила Йорунн так тихо, что Нанна едва расслышала ее.

Что еще за дерево всего сущего? Хотелось продолжить расспросы, но название вспомнилось само, словно кто-то прошептал его на ухо. *Иггдрасиль*. Дерево на обложке книги, которая осталась дома в Грёнхёгене. Громадное, протянувшееся из подземного мира к самым небесам. Что-то не давало произнести это имя вслух. Нанну так затрясло от ледяного холода, что зубы застучали. Остальным, кажется, стало страшно, и они отвернулись. Кроме Хальвара: теперь-то он сидел не шелохнувшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.